И. В. ШКЛЯР

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ АНТИОХА КАНТЕМИРА

«В семье родителей Кантемира господствовало „древлее благочестие“», — так начинает Д. Д. Благой главу о литературной деятельности А. Кантемира,[1] доказывая это тем, что его учителями были священник Кондоиди и воспитанник Славяно-греко-латинской академии И. Ю. Ильинский, что сам он некоторое время учился в Заиконоспасском училище и первым печатным произведением его была «Симфония на псалтирь». Но эти внешние факты не могут объяснить, как получилось, что через год после «Симфонии» Кантемир начал переводить Фонтенеля. Переход к светскому направлению совершился не вопреки домашнему воспитанию и церковному образованию, а потому, что и воспитатели его, и отец не были сторонниками этого «древлего благочестия».

Действительно, Анастасий Кондоиди имел на Антиоха Кантемира немалое влияние, и не только в то время, когда он преподавал ему и другим детям молдавского господаря историю и языки; но, как отмечают биографы Кантемира, это был человек «светского образа жизни и интересов».[2] До 1726 года он оставался в Петербурге, и Антиох часто посещал его вместе с другими образованными людьми, которые брали и покупали у него итальянские книги.[3] Затем он был назначен епископом Вологодским, и даже в эти годы связь его с семьей Кантемиров не прерывалась.[4] В. Н. Перетц предполагает, что именно через Кондоиди в Вологде,

---

[1] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 3-е, М., 1955, стр. 94.

[2] Ф. Я. Прийма. Антиох Дмитриевич Кантемир. В кн.: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. (Библиотека поэта. Большая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 6. (В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: Кантемир. Собрание стихотворений, стр.).

[3] Дневник П. Д. Апостола (1725—1727). Пер. с франц. А. М. Лазаревского. «Киевская старина», 1895, т. VII, стр. 128—131.

[4] И. И. Шимко. Новые данные к биографии кн. А. Д. Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891, стр 34.

где епископ открыл семинарию, распространялись в 1729—1735 годы сатиры Кантемира.[5] Это тем более вероятно, что одно из подражаний Кантемиру, приводимых В. П. Перетцем, «На скупого человека», начинается с заимствования из сатиры «На зависть и гордость дворян злонравных» и, как есть основания предполагать, из самой ранней ее редакции; вполне естественно, что Кондоиди мог быть одним из первых читателей и распространителей сатир Кантемира.

Роль учителя русского языка И. Ю. Ильинского в воспитании будущего поэта не ограничилась тем, что он подал своему ученику пример, составив «Симфонию на евангелие». Известно, что одним из последних переводов Кантемира был «Энхиридион» Эпиктета. Ильинский еще в 1724 году преподнес Петру I свой перевод этого произведения. Хороший переводчик, он был также автором «многих разного содержания стихов» и потому оказался для Кантемира учителем и даже в некотором роде образцом в искусстве стихосложения.

В выборе учителей и учебных заведений для своих сыновей сказалось стремление Дмитрия Кантемира дать им по возможности лучшее в тех условиях образование. Одним из первых учителей, вероятно, французского языка был в 1715—1718 годы И. Г. Фокеродт — человек, к православной церкви и древнему благочестию отношения не имевший.[6] Как известно из работы Х. Грасхофа, Антиох, участвуя с отцом в персидском походе, был оставлен в Астрахани и с июля 1722 года по январь 1723 года, посещал там латинскую школу, открытую католическими монахами, где тогда же учился В. К. Тредиаковский.[7] Уже после смерти отца, вернувшись в Москву, Антиох Кантемир продолжал заниматься латинским языком под руководством капуцина Антония Луалда.[8] Отец хотел, чтобы все его сыновья завершили свое образование за границей, это была одна из привилегий, предоставленных ему Петром I при переезде в Россию. В своем завещании он выделил для этой цели по 3000 руб. в год. Самым известным и показательным пунктом его завещания являлось решение вопроса о наследии: он не только оставлял все тому из трех сыновей, кто окажется самым достойным в нравах и науках, но и просил не определять наслед-

---

[5] В. Н. Перетц. Неизвестные подражатели Кантемира. «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», т. I, кн. 2, Л., 1928, стр. 351.

[6] См.: P. N. Berkov. Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert. Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. «Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas», 1958, Bd. I, S. 71.

[7] Х. Грасхоф. Западноевропейские связи Кантемира. Автореферат диссертации, 1958.

[8] Антиох Кантемир. Новый опыт исторического словаря о русских писателях. «Друг просвещения», 1806, № 12, стр. 251.

ника, «пока неопробованы будут в науках и в других инструкциях, которые суть надобны императору и государству».[9]

Отмечая благоприятные условия, в которых находился Антиох Кантемир при жизни отца, биографы его меньше обращали внимание на другое: если говорить о становлении этических взглядов Кантемира, нельзя забывать и того, что моральная философия была любимым предметом самого Дмитрия Кантемира, и он, историк, знаток Востока, ученый, серьезно занимавшийся математикой, физикой, анатомией, оставил немало трудов по философии, в том числе и по этике. Еще в Молдавии, в 1698 году, он напечатал сочинение «Спор души с телом», «нравоучительные мнения под видом разговоров». В этом трактате излагались основные принципы воспитания и было дано обоснование необходимости познания мира; этические нормы строились на основе стоической и христианской морали. Среди других философских работ Дмитрия Кантемира («Физическое о монархиях рассуждение», «История о сотворении мира с физическими примечаниями», «Экспликация о совести») особенно следует выделить большой печатный труд «Книга Систима, или состояние Мухаммеданския религии». Петр I, готовясь к Персидскому походу, поручил ему «некое нижним штилем и просторечием издание». Изложив основы магометанства, автор должен был показать неистинность этой религии: «что Куран есть от человек сочиненный, и Мухаммед — лживый пророк» ,— и противопоставить ей единственно правильное христианское учение. В результате же получилось, что Синод, вместо того чтобы способствовать скорейшему выходу в свет этой книги, призвал автора к ответу за ту острую критику легенд, чудес и суеверий, которая давала повод к обвинению его в безбожии. Петр I избавил Д. Кантемира от необходимости оправдываться, но лишь после вторичного приказания книга была напечатана в самом конце 1722 года. Роль защитницы православия она, действительно, исполняла не совсем удачно, но зато превосходно служила другой цели: она вся проникнута идеями, отвечавшими духу петровских реформ.

Разумеется, «истинна слова божия» остается основой «всякого наставления, установления, закона и словесности, и все, что не утверждается на ней, названо бессловесным, скотским, непотребным, а главное, «истинному блаженству и тишине противным». Но рядом с этой истиной ставится «истинна еллинских авторов», которые сумели ее понять «предводительством естественного закона, сокровеннейшая естества островиднейшим пресмотрев оком». Эти истины равноценны,[10] из обеих следует одно и то же: если разби-

[9] М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская академия наук. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 14.

[10] И в других произведениях — «Описание Молдавии», «Физическое о монархиях рассуждение» — Д. Кантемир также объясняет многие явления дей-

раться, каковы самые общие, элементарные свойства и потребности «одушевленного и словесного естества», человека, то ответ один: «Яко по повелению божию, тако и по естественному воздохновению, кииждо от человек обязуется испытывати, исследовати и знати». Из этого положения следуют чрезвычайно важные выводы. В умеренной, далеко еще не просветительской форме провозглашается идея равенства. Все люди наделены одинаковыми умственными способностями, «остротой и быстротой разума»; это «я всем человекам, по расположению темперамента, от натуры равно даровано быти мню», — пишет Д. Кантемир в главе «О науках мухаммеданских». Смысл такого утверждения, как видно из последующих слов, не в признании равенства людей в обществе, но все же очень важен: «Смело могу рещи, яко восточные племена ничемже низшие суть западных». Но идея равенства проводится и иначе. Всем людям от природы должно быть свойственно понятие пользы. При этом Д. Кантемир ссылается на «начальника моральныя философии Епиктета», который считал стремление к пользе свойством всех живых существ. Это утверждение интересно тем, что несколько отличается от телеологических представлений о сотворении богом всего окружающего мира, в частности животных, для человека. По Эпиктету, животным самим свойственно стремление отдавать человеку все, что ему нужно от них, даже кровь, в которой, по словам «священного естествословца», находится душа животных. Но если «скоты малочувственные» имеют стремление к пользе, то отсутствие его у человека, существа высокоразвитого, Эпиктет «жестоко обличает и порицает». И в «Словоприношении Петру» Д. Кантемир приводит некое «златое изречение», снова ссылаясь не на священное писание, а на одного «персидянина, моралиста изрядного»: «Неученый поселянин земледельствующий многополезнейший есть републике, неже князь, леностную жизнь провождающий и без общия пользы время изнуряющий». Правда, он тут же продолжает, что это изречение «по приличности и по достоинству» ему следует применить к себе самому, как «ленивому и невежде».

С утверждениями, что все люди «от естества убеждаются» и познавать мир, и стремиться к пользе, связаны взгляды Д. Кантемира на роль науки и воспитания. Все люди от природы склонны к добру, но могут стать «злых стяжатели обычаев»; это зависит от того, что они не представляют всего значения и — не просто пользы — необходимости науки: «Ежели знати не будет, и тако ниже что благо, что же зло, что истинно и что ложно рассмотрети и рассудити возможет. Ибо наук помощию познаваются законов благости и законодавцев правда и человеколюбие. От познания же

ствием двух факторов: бога и природы, причем активным началом представляется природа.

законов исправляются злонравия, добродетели любимы бывают и злочинства избываются». Это возвышение науки, в то время как воспитательное, облагораживающее значение религии если не отрицалось им, то обходилось молчанием, составляет отличительную черту книги Д. Кантемира. «Наука душу растит» — в этом ее главная заслуга. В то же время он понимал несовершенство человеческих знаний, недостаточность чувств для познания мира и требовал постоянного критического вмешательства разума во все общепринятые, узаконенные древностью и авторитетами понятия и догмы. Таково было его отношение к чудесам, мощам, толкованию снов, астрологии: «Из многих лжей может быть случится, да нечто истинное предрекут оные прорицатели». С теми же требованиями разумных доказательств подошел он к исследованию магометанской религии, и она не смогла выдержать этой критики. Автор с самого начала заявил, что хотя «всякое учение, противное евангельскому, ложно есть», он не будет пользоваться этим аргументом, который силен только для христианина, а будет доказывать так, чтобы с ним мог согласиться всякий разумный человек. Некоторые доводы его очень интересны. Показывая, что считать освященную воду в самом деле святой может только «некто безрассудный», он приводит довольно верное объяснение ее чистоты. Пытается он дать научное объяснение и происхождению радуги, неудачно отстаивая в то же время христианскую версию: «Дугу из наших святых писаний украдше, не метеоров дело, но поистине божий лук быти веруют». Высмеивая чужие суеверия, автор, едва ли сознательно, вызывает читателей на сравнение: «О ангелах зело чудесная и утешного смеха достойная вымышляет Мухаммеданская феология». Пожалуй, самым опасным местом является то, где автор желает быть объективным и невольно подчеркивает свойства христианского бога, которые ставили в тупик многих просветителей, не признававших полностью безрелигиозного построения морали: «Некоторые Курана показуют ложна быти за сие, яко Мухаммед, вместо чудес, меч обнажил, и хищение, и грабление, и убивство нехотящим веровати узаконил, каковых дел бог отвращается. Но подобная обрящутся и у Моисея». Приведя несколько примеров нелепости Корана с точки зрения разума и научного знания, Д. Кантемир передает разговор со своим константинопольским учителем Исаадом по этому поводу. Если названный ученый, «в науках фисических, математических, а наипаче астрономических зело искусный», полностью признает двойственность истины, что было необходимой уступкой и очень хорошим выходом для спасения науки от религии, то позиция Д. Кантемира ближе к признанию одной только научной истины, что отразилось в его вопросе Исааду: «Како можешь верити, яко пророк ваш луну на полы преломил, яко ангелы на солнце снег мещут, да горячесть его укротят, и кры-

лами своими того укрывают, да будет нощь: и яко все системе вселенныя таковое есть, каковое Куран учит быти?». Не чувствуется, чтобы Д. Кантемир был удовлетворен ответом учителя, скорее он приводит слова последнего, чтобы показать, как ложное учение, противоречащее разуму, делает человека неискренним перед самим собой, заставляет идти на компромисс с умом и совестью. Тем более, что автор никак не реагировал на последующий выпад учителя против христианского изречения «о вельбуде и ушах иглиных».

Легендам Корана Д. Кантемир противопоставляет не только истинную религию христиан, но и взгляды «мухаммеданских афеистов, людей зело ученых и в фисических вещах искуснейших». Интерес и симпатии автора к ним очевидны из этой характеристики, но необходимо уточнить, что подразумевает он под атеизмом. Для него «афеисты», которые «все отмещут, презирают и яко невозможное и ненужное быти рассуждают», — это люди, отрицающие все догмы религии, но имеющие внутреннее чувство веры. Именно эта позиция, а не материализм и безбожие, приходится по душе философу и естествоиспытателю Дмитрию Кантемиру. Но и в этом случае члены Синода всполошились не зря: такая книга была подрывом основ всякой религии, если даже автор не ставил перед собой подобной задачи. «Книгу Систему» можно сравнить по ее объективному смыслу с «Историей оракулов» Фонтенеля, в которой разоблачение одного из порождений невежественного, непросвещенного человеческого ума применимо к чудесам вообще, недаром католическая церковь сразу отметила нечестивое направление этой книги. И в России подобная книга смогла появиться в печати лишь при Петре I и по его воле. Неизвестно, знал ли А. Кантемир, при всем своем знакомстве с творчеством Фонтенеля и лично с ним, «Историю оракулов», «первое нападение научной мысли на основы католицизма»,[11] но «Книгу Систему» он знал наверное. Ее переводил с латинского И. Ю. Ильинский, в библиотеке Константина Кантемира сохранилось два экземпляра этой книги; хотя в 1722 году Антиох был еще очень молод, но к тому времени, когда он составлял биографию своего отца, участвовал в переводе и изданиях его «Истории Оттоманской империи», он не мог не знать этого произведения. Многие идеи этой книги были близки ему, к некоторым он пришел позднее, «через мышления и годы».

После смерти Д. Кантемира 15-летний Антиох просил Петра I отправить его за границу, подчеркивая свое «крайнее желание» учиться, а с 1726 года он начал слушать лекции в Петербургской академии наук. О Кантемире как питомце академического Универ-

[11] Г. Лансон. История французской литературы. XVII век. Пер. с франц. З. Венгеровой. СПб., 1899, стр. 14.

ситета подробно рассказывается в книге М. И. Радовского.[12] Автор останавливается на характеристике академиков, у которых Кантемир учился основным предметам: физике, математике, истории, этике, впервые называя имя одного из них — Майера. Он указывает, что наибольшее влияние на формирование общего мировоззрения Кантемира имел «фисики экспериментальной и феоретической профессор» Бильфингер, считавшийся чуть ли не атеистом, применявший основные положения новой философии к религиозным истинам. Именно это влияние побудило Кантемира взяться за такое смелое дело, как перевод Фонтенеля. Первая сатира «На хулящих учение» также дает возможность судить, чему учился у Бильфингера Кантемир.

Но о Христиане Фридрихе Гроссе, «философии нравоучительной профессоре», и у Радовского не сказано ничего нового. Еще Пекарский указывал, что Гросс был «любимым наставником князя Антиоха Кантемира»,[13] а из биографии поэта, составленной Гуаско, мы знаем, что этику «предпочел он всем другим, говоря, что оная человеку необходимо нужна, поколику научает нас познавать самих себя, поступать честно и сделаться полезным обществу»; близкое к этому определение этики дает Кантемир и в примечаниях к переводу Фонтенеля. Но о содержании лекций Гросса известно меньше, чем об отношении Кантемира к преподаваемому им предмету. В одном из донесений Верховному Тайному Совету о деятельности академиков за 1726—1727 годы перечислено семь диссертаций, которые Гросс, профессор «нравственных учений», представил Академии. Среди них разработки проблем «права естественного, права народного и права гражданского», свободы воли, «пределов моральныя философии», «меры добродетелей и злодеяний», «совести правой и погрешительной», «должностей перед богом». О содержании этих диссертаций ничего не известно, но их названия показывают, что Гросс не ограничивался в своей научной работе тем, что давал основатель естественного права Пуфендорф, что он понимал моральную философию шире, чем ему приходилось читать в университетских лекциях, «объясняя об обязанностях гражданина и человека по книге пуфендорфской», как указывалось в объявлении о начале занятий. Возможно, впрочем, что книга Пуфендорфа, как раз в 1726 году изданная в России, занимала и в курсе лекций лишь определенную часть. Х. Грасхоф в своей диссертации делает вывод о том, что «сравнение лекций Гросса с первыми сатирами Кантемира показывает соответствие в важных вопросах

[12] М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская академия наук, стр. 16—38 (гл. II).

[13] П. Пекарский. Разбор сочинения Чистовича «Феофан Прокопович». Тридцать четвертое и последнее присуждение учрежденных Демидовым наград 25-го июня 1865 г. СПб., 1865, стр. 139.

благородства, религии и науки».[14] Но, конечно, учение Пуфендорфа было важнейшей частью этих лекций. Его имя упоминается уже в первой редакции I сатиры Кантемира. Идеи природного равенства и свободы всех людей не в полной мере принимались сатириком в этот период, но и в самой книге Пуфендорфа они проводятся ограниченно, оборачиваясь защитой абсолютной монархии.

Можно ли сказать, что в сатирах Кантемира отразились идеи, воспринятые от Бильфингера, Гросса или, что предлагают еще чаще, Феофана Прокоповича? Разумеется, это так, и как указывалось выше, сюда надо включить и идеи Д. Кантемира. Но едва ли эти уроки могли быть так хорошо и прочно усвоены, если бы они не совпадали с основными тенденциями идеологии эпохи, в которую он еще только рос и мировоззрение его лишь начинало складываться. «Мудры указы Петровы» были для него живой действительностью, и казалось, что и после смерти «Пуфендорфа российского» они останутся незыблемым наследием, потому что русские «стали вдруг народ уже новый». То, на чем основывалось преподавание этики в Академии наук, было также теоретической установкой реформы Петра. Здесь Кантемир и усваивал скорее всего этику общественную, этику человека, первейший долг которого не просто добродетели и чистая совесть, но польза обществу. В петровской «Табели о рангах» можно было увидеть не только желание заставить всех дворян проходить службу с низших чинов и постоянно учиться, но и подтверждение независимости способностей человека, и отсюда его места в обществе, от его происхождения, а это связывалось именно с учением Пуфендорфа о природном равенстве людей: «Сыновьям князей, знатнейшего дворянства, также служителей знатнейшего ранга хотя мы позволяем, для знатной их породы, в ассамблее знатных чинов свободный доступ пред другими, однако мы никому никакого ранга не позволяем, пока нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат. А понеже нужда ныне необходимая требует в высшие статские чины, того ради брать, кто годен будет, хотя бы и низкой породы был и никакого чина не имел».[15] Заботясь о благе государства, Петр мог отбросить некоторые предрассудки, и никогда после его смерти в дворянском государстве не смогли вернуться к табели о рангах в том виде, как она была задумана.

Во имя широко понимаемого государственного интереса Петр в своем законодательстве даже стремился несколько ограничить крепостное право, не останавливаясь перед нарушением сословных интересов дворянства. Конечно, не какой-то особый демократизм

---

[14] Х. Грасхоф. Западноевропейские связи Кантемира.

[15] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. 16. Изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 756.

и гуманность определяли отношение Петра к крестьянству; это отношение было связано с общей петровской экономической политикой. Он считал своим правом карать помещиков, разоряющих своих крестьян, протестовал против обычая продавать людей, как скот, потому что понимал: «разорение крестьянское есть разорение государства». Но идеологическое оформление этого «охранения крестьянского» также приводило к идеям равенства людей и ценности человека в зависимости от его пользы для общества: «Понеже крестьяне суть артерии государства, чего ради надлежит оных беречь и не отягощать через меру, но паче охранять от всяких нападков и разорений, и особливо служилым людям порядочно с оными поступать», — говорится в наказе «О бережении земледельцев».[16] Следует вспомнить, что у Дмитрия Кантемира в его сатирическом романе крепостные крестьяне — пчелы, за счет труда которых живут все остальные, — возмущаются: «Доколь мы будем отвечать молчанием на рабство и вечное унижение?», — а в «Истории Молдавии» вопрос о крепостном праве был так неприятен автору, что ему пришлось найти выход в утверждении, будто ни один крепостной не является молдаванином, ибо само слово «вечинь» означает «соседи».[17] Дворянский характер идеологии Д. Кантемира, неоспоримо доказанный всеми исследователями, не дает права считать лицемерными его слова о том, что молдавские крестьяне являются «самыми бедными тружениками во всем мире» из-за произвола хозяев в отношении податей. Нельзя не видеть в этих словах заботы о благе всей нации, а не только служилого дворянства. Отсюда нетрудно было перейти к изучению жизни крепостного крестьянства, желанию понять его нравы, стремления, мечты.

Тот же государственный интерес определял и церковную политику Петра. Когда представители реакционного духовенства стали яростно нападать на его указы, шедшие вразрез с «божественными установлениями и законами», Петр повел с ними решительную борьбу. Учреждение Синода, «Духовный Регламент», переполненный сатирическими выпадами против духовенства, конфискация монастырских земель и неприязненное отношение к монахам, которых Петр считал дармоедами, запрещение «Камня Веры»; а с другой стороны, известная веротерпимость в отношении не только иностранцев, но и раскольников, которых не трогали до тех пор, пока дело касалось различий в вере, но начинали притеснять, когда те выступали, как и православное духовенство, против государствен-

---

[16] См.: Б. И. Сыромятников. «Регулярное» государство Петра I и его идеология, ч. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1943, стр. 144—146.

[17] См.: В. Н. Ермуратский. Общественно-политические взгляды Д. К. Кантемира. Кишинев, 1956, стр. 62, 66—68.

ных нововведений; и наконец, главное — пропаганда и насаждение передовой науки от лица государственной власти — все это создавало благоприятные условия для формирования передовых взглядов А. Кантемира и его смелых выступлений в защиту науки против ее опаснейших врагов, «ханжей или людей черезчур щекотливых в деле веры», как писал он по поводу заглавия «Разговоров о множестве миров». И не случайно появление и содержание первых сатир Кантемира связано с именем Феофана Прокоповича, выдающегося деятеля петровских преобразований, с которым Кантемир сблизился уже после смерти Петра, когда он, как и автор элегии «Плачет пастушок в долгом ненастье», начал понимать неблагополучие обстановки в стране, когда через личные разочарования и искания он пришел к выводу, что мало самому заниматься наукой и иметь самые передовые взгляды — их надо сейчас уметь защищать; и он стал искать действенную форму отстаивания своих идей. Основной заслугой Феофана Прокоповича в этот последний, самый трудный период его жизни было создание «ученой дружины», объединение передовых писателей, ученых, общественных деятелей для того, чтобы общими силами отстоять общее дело. В «ученой дружине» завершилось воспитание Кантемира, подготовлялось его выступление в качестве сатирика, сыгравшее исключительную роль в идейной борьбе с реакцией.

М. И. Радовский в книге, являющейся самым новым исследованием биографии и мировоззрения Кантемира, полностью отрицает существование «ученой дружины» как некоторой сложившейся организации: «Прокопович... имел в виду круг образованных людей, объединенных общими идейными установками и противопоставивших себя — конечно, каждый в одиночку — всем поборникам старины, „нелюбящим ученыя дружины“».[18] Автор полностью принимает версию Кантемира о знакомстве с Феофаном и потому считает указание, что выражение «ученая дружина» заимствовано из Горация, достаточным, чтобы усомниться в существовании этого кружка. Он прав в том, что из приветственных стихов Феофана не видно, чтобы тот говорил об особой организации, однако отсюда не следует, что реально существовавшее общество не получило с тех пор названия, случайно и очень удачно найденного в стихотворении своего главы — ведь написал же Кантемир: «милую возвав дружину». Но если даже участники «дружины» себя так не называли и выражение Феофана введено только исследователями XIX века, то и в этом случае еще ничего нельзя сказать о самом кружке. В то же время лучшие биографы Ф. Прокоповича, Чистович и Морозов, касаясь его отношений с Кантемиром, утверждали:

---

[18] М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская академия наук, стр. 32.

вопрос об «ученой дружине» настолько ясен, что излишне возвращаться к нему.[19] Считалось, что элегия Феофана обращена к Кантемиру, на что тот ответил «Песнью утешительной». Затем от имени «ученой дружины» Кантемир выступил с сатирой «К уму своему», и Феофан приветствовал его стихами, делая вид, будто автор ему лично неизвестен. Тут наступили события 1730 года, и вся дружина выступила на борьбу с «затейкой верховников»; победа была на их стороне, и все приверженцы Анны Иоанновны были награждены. Вскоре Кантемир написал III сатиру, приложив к ней благодарительные стихи. Потом наступила реакция, немецкое окружение императрицы поспешило расправиться с сильными политическими противниками, способными устроить новый правительственный переворот. «Ученая дружина» распалась.

Против такой истории ученого кружка Феофана выступил З. И. Гершкович в своей диссертации «А. Д. Кантемир. Вопросы мировоззрения и литературной деятельности» (1952). Он считает, что «дружина» существовала, но не до 1730 года. Он сумел уточнить датировку многих произведений, связанных с проблемой «дружины», и в первую очередь — приветственных стихов Феофана. З. И. Гершкович утверждает, что Феофан, действительно, не был знаком с Кантемиром до прочтения I сатиры. Доводы ученого нельзя не признать довольно сильными. Элегия Феофана вовсе не обращена к Кантемиру и написана перед смертью Петра II, в январе 1730 года. В февральских событиях все будущие члены «ученой дружины» приняли участие независимо друг от друга. К апрелю 1730 года, когда они ожидали от Анны продолжения политики Петра I, Феофан узнал о существовании неизвестного талантливого сатирика, смелость и близость идей которого его чрезвычайно обрадовали; он «об авторе известився», приветствовал его стихами, проникнутыми бодрым духом его тогдашнего настроения, с призывом «плюнуть на грозы сильных глупцов» и продолжать «путь преславный, коим книжные текли исполины». К тому времени у Кантемира была написана и II сатира, поэтому благодарительные стихи приложены к III сатире, посвященной Феофану, они датированы августом 1730 года. Тогда же пишет Кантемир и свой «Эпод», ибо в нем говорится, что «день шестой» уже наступил, все пастухи надеются на раздачу шкур после охоты на хищных зверей, и только один поэт, малый пастушок, лишен нивы и стадца. В этом произведении, написанном между маем и декабрем 1730 года, есть упоминание о собраниях дружины Пимена. Представляя историю «ученой дружины» в таком виде, З. И. Герш-

---

[19] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 607—616; П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880, стр. 339—340.

кович хотел показать, что нельзя сводить идеи первых сатир Кантемира к защите интересов небольшого кружка, что две самые сильные, пронизанные современностью и пафосом борьбы сатиры были личным подвигом молодого автора: поддержка Феофана пришла в то время, когда «сильных глупцов нравы» уже не были так опасны. З. И. Гершкович признает, что принимать на веру слова: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый», никак нельзя, ибо и стихи, и книга в подарок были направлены по определенному адресу; но весь рассказ Кантемира в предисловии к I сатире сомнений у него не вызывает.

Действительно ли Кантемир вошел в «ученую дружину» лишь после 1730 года? С этим связан и другой вопрос — существовала ли вообще эта «дружина» до того времени, когда Феофан узнал о Кантемире? З. И. Гершкович склонен к отрицательному ответу из-за полного отсутствия фактов, говорящих о связях тех людей, которых обычно называют «ученой дружиной»: Ф. Прокоповича, Татищева и Кантемира. Разумеется, если членов кружка было всего трое, то выпадение одного участника механически ведет за собой разрушение «дружины», и тогда несомненно имевшие место встречи и споры Прокоповича с Татищевым, вроде разногласия по поводу «Песни песней», представляются случайными.

Ответить прямо на первый вопрос возможности нет. Из биографий Кантемира и Феофана сделать вывод об их знакомстве до 1730 года нельзя, из стихотворной переписки, относящейся к апрелю—декабрю этого года, — также. Калайдович, напечатавший «Речь к Анне Иоанновне» в 1823 году, указывал, что у него сгорела рукопись с их стихотворной перепиской.[20] Разумеется, здесь были неизвестные произведения, иначе Калайдович не стал бы жалеть, что вовремя их не напечатал; но, во-первых, к тому времени неизвестными оставались еще элегия Феофана и «Эпод» Кантемира, напечатанные лишь в 1863 году, во-вторых, если переписка и не ограничивалась пятью обычно приводимыми произведениями, то ничего нельзя сказать о времени ее. Входившая в состав Курбатовской рукописи эпиграмма «На Феофана и Феофила», если доверять указанию Кантемира, написана после I и II сатир.

И все же З. И. Гершкович учитывает не все. Предполагать знакомство Феофана с Кантемиром еще в 1727—1729 годы можно уже потому, что выделявшийся своей ученостью архиепископ Новгородский не мог не заметить молодого, но уже хорошо образованного ученика Байера и Гросса, с которыми он был близко связан, а главное, автора напечатанной в 1727 году «Симфонии на

[20] К. Калайдович. Сочинения в стихах и прозе. «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете», ч. III, М., 1823, стр. 106.

псалтирь», после выхода в свет которой о Кантемире было сообщено в Берлинскую академию наук.[21] Но есть и более убедительное доказательство. Обращает на себя внимание превосходное знакомство Кантемира с творчеством Феофана, с теми произведениями, которые не были широко распространены даже в списках, а также частые заимствования его у Феофана. Два таких заимствования встречаются уже в I сатире Кантемира. В примечаниях к клятве Луки указано, что его слова «есть подражание из Овидиевых стихов 7-ой его Элегии». Однако совершенно очевидно, что Кантемир взял стихи Овидия в переводе Феофана Прокоповича:[22] первые четыре стиха совсем не изменены, другие несколько переработаны. Одну строку из этого перевода Кантемир использовал и в IV сатире. Причем, всегда тщательно отмечая свои заимствования у западных сатириков, Кантемир часто не указывает явных «цитат» из произведений Феофана. В той же I сатире в речи Завистного, впоследствии Сильвана, переложен в стихи отрывок из интересного раннего произведения Прокоповича «Разговор гражданина с селянином да певцем или дьячком церковным». Упорный невежда селянин, «отвратясь лицем, говорил себе тихо: Отцы де наши не умели письма, но хлеб довольный имели, и хлеб тогда лучше родил бог, нежели ныне, когда письменных и латинков намножилось».[23] У Кантемира Завистный «без стыда гремит слово, древним глупцам сродно»:

Живали мы, — говорит, — не зная латыне
Преж сего, хотя просты, лучше, нежли ныне,
В невежестве гораздо больше хлеба жали,
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.

Из того же «Разговора» использованы Кантемиром и другие отрывки: при создании образов Сильвана и Зоила в III сатире. Из одной проповеди Феофана Кантемир привел во II сатире понравившееся сравнение: «Знают..., как калмыки архитектуру»,[24] несколько изменив его: «Столь тебе знакомы, сколь сибирским вотякам марморные домы». Даже в заграничной «IX» сатире Кан-

---

[21] Х. Грасхоф. Западноевропейские связи Кантемира.

[22] Вот начало элегии у Феофана:

Когда плугом по небе бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж поглянут,
Когда от моря к ключам своим пойдут реки
И прешедшии вспять к нам возвратятся веки...

Ср: Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 364.

[23] П. В. Верховский. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент», т. II. Ростов на-Дону, 1916, стр. 77.

[24] Феофан Прокопович. Слова и речи, т. II. М., 1760, стр. 246.

темир использует отдельные места феофановского «Разговора тектона, си есть древодела, с купцом» и особенно «Истинного оправдания правоверных христиан», строя прямо по плану предисловия к этому произведению всю «раскольничью» часть сатиры. Трижды цитирует он и послание «Творцу сатиры „К уму своему“»: в V сатире (1-я ред.), в IV сатире (2-я ред.), в I письме «о природе и человеке».[25] Но если эти заимствования можно объяснить более поздним знакомством с творчеством Феофана, то I сатира ясно показывает, что Кантемир сознательно использует тексты, которые могли стать ему доступны скорее всего при помощи самого их автора. Нельзя, конечно, не обратить внимания на своевременность написания Кантемиром I сатиры — это были не просто идеи, которые Феофан не мог не одобрить, это была открытая защита и науки, и самого Феофана — ведь не зря в сатире есть выпад против «Камня Веры», не зря Кантемир ополчился именно на Дашкова, о котором написал стихи и Феофан, намекая на искательство патриаршества. В это время положение Феофана было таким тяжелым, что он даже опасался упоминания своего имени с похвалой.[26] Выступление Кантемира было, действительно, подвигом, и это была большая поддержка «ученой дружине». То, что Феофан приветствовал смелый шаг Кантемира не сразу, доказывает лишь его осмотрительность; все равно он был бы плохим заступником Кантемиру, сам нуждаясь в защите. С 1730 года Прокопович и Кантемир стали открыто показывать свою близость, но тогда-то и родилась версия о только что начавшемся знакомстве, которую Кантемир поддерживал до конца жизни.

Считается, что III сатира написана Кантемиром в основном для того, чтобы «в ней собрать приличные тому архипастырю похвалы, ему же в знак благодарства ее приписать», — так объяснял ее цели сам автор. Но для выражения благодарности достаточно было и приложенных к сатире стихов, тем более, что скромный Кантемир уверял: «Силы воздавать дары равномерны в знак благодарения — увы! — запрещают». З. И. Гершкович правильно указывает, что III сатира была призвана защитить как самого автора после I сатиры, так и Прокоповича от обвинений в безбожии. Но и это не было главной целью сатиры. И защита, и похвалы занимают в ней

---

[25] В примечании на ст. 203 в 1-й ред. V сатиры А. Кантемир ссылается на «Первое учение отроком», книгу, по поводу которой Д. Кантемир полемизировал с Феофаном. Прикрываясь авторитетом Прокоповича, А. Кантемир проводит в этой сатире мысль, от которой потом не мог не отказаться, как и от цитаты из Феофана.

[26] П. Н. Берков в лекциях по истории русской литературы XVIII века указывает, что когда в 1728 году Феофана в одном из заграничных журналов назвали «украшением русской церкви», он заявил, что похвалы эти несвоевременны и могут принести ему только огорчения.

не такое уж большое место. Само обращение к Феофану показывает, что автор, теперь уже открыто, предлагает «дивному первосвященнику» разрешить важнейший философский вопрос, который являлся в то время важным и затруднительным для самого Кантемира — такие философские беседы являлись, как есть основания предполагать, обычными для «ученой дружины». В той же III сатире, в примечаниях к стиху: «Куды мотовство завелося в людях» — приведены латинские стихи, подражанием которых явилась эта строчка. В 1-й редакции указанной сатиры эти стихи даны без имени их автора, и лишь в сборнике 1743 года Кантемир добавил: «Феофан Прокопович в сатире русской». Так раскрывается знакомство Кантемира еще с одной стороной творчества его учителя. С сатирами Феофана Кантемир мог ознакомиться лишь при личных связях с автором.

Еще один член феофановского кружка сразу же откликнулся на появление сатир Кантемира. Это был также очень образованный (он побывал за границей, знал иностранные языки, был знаком с иностранными учеными) и передовой человек, архимандрит Новоспасский Феофил Кролик. Если предполагать, что и он впервые узнал о Кантемире только после прочтения I-й сатиры, от «неизвестного приятеля», то кажется просто удивительным, насколько точно по адресу, в верные дружеские руки, попадали списки сатиры. Если сдержанный и осторожный Феофан ограничился только одним стихотворным посланием сатирику, то Кролик, имя которого Кантемир соединяет с феофановским и в предисловии к I сатире, и в эпиграмме, писал стихи почти к каждой сатире. Некоторые из них встречаются только на латинском языке, но есть и русские, которые несравненно хуже и октав Феофана, и самих сатир, но важны содержащейся в них оценкой достоинства Кантемира как сатирика и ученого:

Как тя, мудра, похвалить достойно кто чает,
Егда тя и хуленна глупость похваляет?
Являешь, писателю, различные нравы,
Како разны ученым бывают отравы:
Безбожник глупый хулит изящну науку,
Богатый от богатства вменяет ту в муку,
Убогий говорит, что лучше в злате быти,
Пьяный охоч в кабаке паче наук жити.
Но ты, княже, в науках ими добро дело,
Тя, умна, вся наука ожидает смело.[27]

Характерно, что, поддерживая инкогнито сатирика, Кролик всегда называет его князем. В других стихах он пишет о пользе сатирической деятельности:

[27] Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, сборник Вяз. F. CXXIX.

Хитрость есть славна родство глупостей узнати,
Да не будет погрешность виршем описати.
Немалая есть сила творити благое,
Пользу с сладким вмещая, примечати злое.
Сия зришь, княже, всея чести предостойный,
Аще и скрытен еси, но ум твой пристойный,
Не будеши имети зло тьое наследство,
Возымеешь в рассудке сладко многолетство.[28]

Очень интересна его приписка ко II сатире, в которой Кролик хорошо сумел сформулировать одну из главных проблем раннего творчества Кантемира:

Чим красно благородство? И славного герба
Како удержать целость без славы ущерба?
Зде учишь сатирою юнош благородных
И нравом красишь своих кровь предков свободных.
То нельзя (хотя таящь имя) тя не знати,
Можно князем юности по-древнему звати.[29]

Среди этих стихотворений есть одно, сыгравшее некоторую роль в творческой истории V сатиры Кантемира. В нем «боголюбец, хотя из малой зверины», как зашифровал свое имя автор, говорит, что у сатирика немало врагов, их глупость «весь свет одолела и заполнила вселенную».[30] Поэтому неудивительно, что ученому

Несть в градах русских места, но среди сатиры
В лес тя темный прогнали глупы богатыри,
Так что никто твоего имени не знает;
Но мне — князь честный, иже злобы побеждает.[31]

Во 2-й редакции V сатиры Кантемир судит современное общество от лица сатира, явившегося «в град русский из леса» и не нашедшего места среди злонравных людей. Правда, Кантемир и раньше, по традиции, объединял понятия «сатирика» и «сатира», и в эпиграммах, и в «Петриде», но в формировании нового замысла V сатиры, ее основной ситуации стихи Кролика занимают не последнее место.

Не только эти выступления свидетельствуют о близости Кролика к Феофану и Кантемиру. В дневниках двух украинцев, Петра Апостола и Якова Марковича, часто встречается его имя. Особенно интересна запись Марковича 1728 г., в которой рассказывается об одной из бесед на философские темы, происходившей у Феофана;

---

[28] Там же.

[29] Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 446. С некоторыми исправлениями по сб. Государственного исторического музея в Москве, 47418 арх., 1618.

[30] Ср. стихи 254—255 в V сатире Кантемира (1-я ред.).

[31] Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 444.

Кролик также присутствовал на ней. Участники спора пришли к выводу, что мнение Декарта, будто животные не имеют чувства и памяти, будучи лишены души, «есть некрепкое». Они ссылаются при этом на «повседневные експерименты», противоречащие «сентенции картезианов». Откуда же у животных чувства? Рассуждая «о существе духа», они решают, что душа — это не чувства и мышление, а «нечто особливейшее», значит, «неякий вид дебелого и весьма скудного помышления животным причесть можно». Каково же это мышление, они не берутся рассуждать, так как «от незнаемой вещи знаемую утверждать невозможно, разве вопреки».[32]

Конечно, сам автор дневника во время пребывания в Петербурге и в Москве тоже был членом кружка Феофана. Маркович — его любимый ученик, с которым он долгое время переписывался, очень образованный человек, которому Феофан советовал заниматься философией и писать трактаты; и действительно, в дневнике упоминаются не только книги философов и выписки из них, но и «рассуждение богословское на безбожие», которое он писал вместе с другом.

«Приятелем» Марковича, Феофана, Кантемира и Кролика был и Петр Апостол, также человек с широкими интересами, знавший несколько языков, свой человек в доме Меншикова, но после падения последнего оставшийся в милости у Петра II. Обладая гораздо более светскими интересами, чем Маркович, Апостол мог быть как бы связующим звеном между разными группировками в «ученой дружине»: кругом философов и литераторов.

Различными исследователями были предложены в качестве членов «ученой дружины» и другие лица. Д. Д. Благой включает в их число Тредиаковского, «почти сразу же по возвращении из чужих краев примкнувшего к кружку Феофана».[33] Его восторженное отношение к сатирам Кантемира и столкновение из-за этого с реакционным духовенством освещено в литературе. П. Н. Берков называет среди позднейших участников «ученой дружины» Волынского и Хрущева.[34] К этой, политической группе можно отнести также и князя А. М. Черкасского. На это указывают не только близкие связи его с Кантемиром или то, что ученики феофановской школы обращались после смерти своего наставника именно к Черкасскому с просьбой помочь им поступить в Академию наук, но и указание

---

[32] Дневник генерального подскарбия Якова Марковича. Под ред. А. М. Лазаревского. Ч. I—II (1718—1729). Киев, 1895, стр. 264—265.

[33] Д. Д. Благой. Закономерности становления новой русской литературы. IV международный съезд славистов. Доклады АН СССР, М., 1958, стр. 23.

[34] П. Н. Берков. Феофан Прокопович. В кн.: Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков (Библиотека поэта. Малая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 168.

В. Н. Татищева, что его «Разговор двух приятелей»,[35] написанный в 1733 году, начат «чрез разговоры с архиепископом Новгородским Феофаном Прокоповичем и с князь А. М. Черкасским, а также с некоторыми профессоры Академии рассуждая». Кстати, «Разговор» тоже может показать, какие вопросы обсуждались в кружке и насколько они близки идеям сатир Кантемира. Например, один из приятелей спрашивает, действительно ли вредны науки, ибо от них впадают в ереси, как он от многих богобоязненных людей слыхал. Другой отвечает, что в ереси многие впадают от невежества, а другие, если и ученые, то лицемеры, остроречные и коварные, так что не наука тут виной. Автор определяет цель науки как «внутреннее познание самого себя» и протестует против утверждения, будто люди «без всякого научения благополучны и по их естественному состоянию совершенны быть могут», ибо считает, как Феофан и Кантемир, что невежество — причина всех злонравий. Татищев защищает право всех людей изучать библию. «Многие того не похваляют, сказуя, что не разумея многие от пути праведного заблуждают, в безумие и ереси впадают», — точно так же рассуждают у Кантемира церковник в I сатире и раскольник в IX.

П. Н. Берков в «Истории русской журналистики XVIII века» приводит письмо Татищева в Академию наук, из которого видно, что «ученая дружина» Феофана живо интересовалась академическим журналом «Примечания к ведомостям», а сам Татищев сотрудничал в нем. Среди близких к Феофану людей, следящих за новейшими достижениями науки, назван друг Кантемира, Н. Ю. Трубецкой.[36]

В «дружине» занимались не только научными и богословскими спорами, но и политическими делами, и Кантемир не оставался в стороне от них. Выступление всех членов «дружины» в феврале 1730 года на стороне оппозиции верховникам нельзя считать случайным и разрозненным. Но даже для обычного дворцового переворота недостаточно деятельности трех человек, и десятка — тоже. Кантемир оказался в одном из более широких объединений, возглавлявшемся Черкасским. Видимо, выбор его был сознательным. Еще до выступления, в предшествующие этим событиям годы, в творчестве его проявлялось недовольство современностью.

Как и Феофан, Кантемир занимался стихотворным переложением псалмов,[37] в которых искал возможности обличать всесильных правителей:

[35] В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. I, стр. 61—62, 110—112.

[36] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 70.

[37] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 559.

В таковом счастьи полны гордости
И надменны,
Самолюбием жестоким в злости
Ослепленны,
Свиньею смотрят на люди равны
Как скотины,
И давят бедных, сильно злонравны,
Без причины.

Ищет он в псалмах и надежду, что эти «гордые истуканы» будут стерты с лица земли:

И се ты, боже, сих гордых роги
Сокрушаешь,
Их славу и честь смирным под ноги
Повергаешь.[38]

В это же время начинает Кантемир разрабатывать другой сатирический жанр — эпиграммы. Как всегда впоследствии, он стремился представить свои произведения более безобидными, чем они были в действительности, и об эпиграммах писал: «В них нет ничего приметного, кроме новости своей, понеже до сих пор на нашем языке, я чаю, эпиграммы не писаны».[39] Кантемир датировал все эпиграммы 1730 годом. Едва ли это указание верно, но главное, он выделил две из них, совсем не назвав даты их написания. Среди них — эпиграмма «На гордого нового дворянина». Она известна только из сборника 1743 года, в поздней редакции, но написана очень рано, может быть, самой первой, так как объектом осмеяния в ней стал Меншиков, причем Меншиков в полном расцвете своей власти. Обличение очень справедливо: «новый дворянин» оказывается высокомернее, тщеславнее всех «в великом числе вельмож». Чтобы еще резче подчеркнуть контраст между его безмерной важностью и подлинными достоинствами, Кантемир придает ему черты, не свойственные реальному прототипу: «Сильван всех глупее, ... делом не славнее». Отношение к Меншикову не было у Кантемира односторонним: во II сатире, уже после смерти сосланного князя, поэт защищает достоинства государственного деятеля в том, «кто горшком с подовыми истер бедно плечи». Но в 1727 году Меншиков был самым ярким представителем злонравия в стране. Отношение Феофана к Меншикову было

[38] Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 255, 259.

[39] Эпиграммы писал Феофан, правда, не оригинальные: это были переводы из Скалигера, Марциала; но часть эпиграмм Кантемира — тоже переводы, и неуказанные. Подробно об эпиграммах Кантемира см.: П. Н. Берков. Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726—1729). В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 199—209.

таким же. Когда-то, при Петре, он сравнивал А. Меншикова с Александром Невским, а в последние годы его «правления» отзывался о нем: «Он самый недобрый человек, многим злости делает, а прикидывается богомол и молебны поет».[40] Феофан знал о предполагавшемся заговоре против Меншикова и выжидал: «вот-вот в скором времени у нас великое произыдет». Падение Меншикова встретил он с большой радостью: «Этот выросший из пигмея гигант, оставленный своею фортуною, упал с величайшим шумом, — писал он в одном из писем. — Ярость помешанного, чем более возбуждала против него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тем более со дня на день усиливала его свирепство. А мое положение было так стеснено, что я думал, все уже для меня кончено».[41]

Как видим, выступление Кантемира было далеко не личным делом. Можно предполагать, что и в других эпиграммах высмеивались пороки известных людей, иначе они кажутся просто незначительными. Одна из эпиграмм — «На Леандра, любителя часов» — является переводом из Буало и, вероятно, также относится к 1727 году. Но ее переводной характер не объясняет выбора: по-видимому, и в России был такой любитель часов. Среди эпиграмм 1730 года — «На Брута», «О прихотливом женихе», «На старуху Лиду» — только последняя не лишена сатирической соли, другие же недостаточно остры, чтобы называться эпиграммами. Эпиграмма «На самолюбца» близка к сатире «На Зоила» и, может быть, написана против того же лица. Но есть еще одна эпиграмма, «На икону Св. Петра», которая, если и написана в 1730 году, указывает на то, что ее автор не разделял некоторых слабостей своего друга и учителя, Феофана Прокоповича. Последний был человек с широким кругозором и смелыми взглядами. Ненавидевший его монах Рибера не был уверен, что у него есть хоть какие-нибудь религиозные убеждения. Такие убеждения у Феофана несомненно были, он выступал против атеистов с полной искренностью, но умел уважать противников и действовать доводами, а не ругательствами и угрозами. Эта позиция отразилась и в надписи на книге протестантского профессора церковной истории Турретини «Рассуждение богословское о истине богомудрия христианского»:

Турретин миролюбный, брани вождь духовной,
Что щитишь христианства полк без брани кровной,
Вижу и понимаю глазами моими,
Коль ясно доводами правду щитишь сими.
Но кто достойно тебя похвалил? Не знаю.

---

[40] Феофан Прокопович и Маркел Родышевский. «Православное обозрение», 1864, № 9, стр. 26.

[41] Письма Феофана Прокоповича. «Труды Киевской духовной академии», т. I, 1865, стр. 599—600 (перевод с латинского).

Я себя должным тебе право признаваю,
Нет, чтобы я впервые веры сим учился,
Ибо и от матери верным я родился,
Но что чрез сие даешь спознать злы затеи
Эпикура и Пирра смело бить по шеи.
И так буду чрез сие твердей отвещатель
Всякому, вправду хоть он враг мой и приятель.[42]

Однако не ко всякой религии относился Феофан с одинаковой терпимостью: он ненавидел католиков, «папистов». И это не ограничивалось ироническим отношением к римскому папе: «Мне с большим неудовольствием приходится сознаться, что есть люди глупее римского папы»;[43] всякий католик вызывал в нем подозрение. Когда он узнал от З. Байера, что им интересуется некий Иосиф, хранитель ватиканской библиотеки, Феофан написал академику встревоженное письмо: «Каким образом я сделался известен ему? Это не удивляет меня, после того как наши русские дела начали принимать блестящий вид, и даже наши литераторы, между которыми я составляю малую часть, могли служить предметом любопытства, как некоторые диковины. Но для меня интересно, по имени только, или по чему-нибудь другому я сделался известен ему. Наконец, ... если он папист, то я не могу поверить, чтобы он мог серьезно и искренне любить меня. Опасаюсь, не хотят ли обмануть меня ласкательством».[44]

Кантемир не мог разделять подобных взглядов. Хорошо владея французским языком (чего лишен был Феофан), занимаясь переводами с французского, он мало интересовался религиозной принадлежностью людей. Как сообщает Х. Грасхоф, во второй половине 20-х годов Кантемир вращался в образованных западноевропейских кругах Петербурга.[45] Едва ли исследователь имел в виду академиков. Известно, что еще в 1729 году Кантемира собирались послать из Коллегии иностранных дел за границу, и прежде всего в Париж, «для наук и в делах употребить, чтобы он со временем мог министерским делам обучиться».[46]

В конце 1728 года в Москву приехал французский аббат Жюбе, чтобы тайно хлопотать о соединении православной и католической церквей. Это был человек, о котором его современник Бурсье писал: «Каждый искал сообщества и беседы со столь любезным иностранцем и считал за честь быть знакомым с ним».[47] Впоследствии

[42] ЦГАДА, ф. 196, № 1533. Феофан Архиепископ Новгородский к Турретину.
[43] Письма Феофана Прокоповича, стр. 147.
[44] Там же, стр. 270.
[45] Х. Грасхоф. Западноевропейские связи Кантемира.
[46] Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона, с введением и примечаниями В. Н. Александренко. М., 1892, стр. VI.
[47] П. Пекарский. Разбор сочинения Чистовича «Феофан Прокопович», 1865, стр. 129.

Кантемир признавался аббату Гуаско, что желал успеха Петру Великому в деле соединения церквей. Во всяком случае, он оказался близок к Жюбе, и тот сразу оценил его знания и талант переводчика, сообщив в Париж, что Кантемир — единственный ученый из тогдашних русских вельмож и что он занимался переводами благочестивых сочинений по поручению Жюбе.[48] Надежды обратить Кантемира в католичество не оправдались, но дружба с «папистами» не прошла для него бесследно. Во многом разделяя взгляды Феофана, он выступал против его вражды к католикам и в эпиграмме «На икону святого Петра» заставил православного апостола признать, что «попавшие в папски сети» вовсе не заблуждаются и вход в рай им не запрещен, а попадут они туда независимо от «детей восточной церкви» и их «ключаря».[49]

Каковы были «благочестивые» переводы, выполненные Кантемиром для Жюбе, неизвестно. Кантемир не был заинтересован, чтобы они появлялись под его именем. Ни один из переводов того периода, которые Кантемир подписывал и собирался издавать, под определение «благочестивого» не подходит: это научные, моральные или даже сатирические сочинения. «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля — это произведение, в котором автор, стараясь не ссориться с религией, проводит новые положения в астрономии, доказывая их путем простейших, порой шутливых и остроумных доводов разума, доступных всякому неподготовленному человеку, — и Кантемир видит пользу своего труда как раз в том, что перевел такое сочинение на русский язык, на котором философских трудов почти не было написано. Фонтенель нашел хороший прием объяснения, введя в рассказ некую маркизу, которую он «подговорил в ватагу философскую», так что не только вся философия подана в виде писем одного ученого к другому, но и кроме того, рассуждения все время прерываются вопросами, дополнениями этой маркизы, описаниями природы; такой прием оживления научного трактата Кантемир использовал для самостоятельного оформления своего позднейшего перевода из Фенелона. К «Разговорам о множестве миров» Кантемир составил примечания, в которых не только выразил свое отношение к философским направлениям различных эпох, но и пояснил связанные с литературой понятия: что такое «романц», эпическое стихотворение, элегия, интрига, герой, о чем говорится в «Федре», «Астрее» и «Принцессе де Клев», кто такие Овидий, Вергилий, Ариосто,

---

[48] П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 43.

[49] Цензура Николая I из всех произведений Кантемира не пропустила только эпиграмму «На икону Св. Петра», «которая влагает в уста этого апостола слова, не соответствующие его священному характеру». «Русская старина», 1903, № 10, стр. 178—183.

Мольер; подробно рассказал о театре, опере, комедии. Помимо того, что он впервые ввел многие философские термины, он всегда считал нужным пояснить, почему он выбрал данное слово. Сама идея уединенной жизни, «тишины», отчетливо проводимая в книге Фонтенеля, в этот период еще не имела для Кантемира такого значения, как впоследствии. Стихотворение «О жизни спокойной», точная дата создания которого не установлена, в котором этические мысли Сенеки сочетаются с деистическими размышлениями, стоит особняком в его творчестве того времени: хотя он интересуется нравственным учением стоиков (книги Сенеки в примечании к I сатире названы «почти лучшими из древних»), оно не находит благоприятной почвы для принятия его в качестве основ этики, ибо в этот период Кантемир стремится приносить пользу обществу в качестве сатирика, исправляющего злонравия, и верит в силу сатирического смеха. «Таблица Кевика философа», тоже не идущая дальше проповеди личной морали, содержит интересное противопоставление истинного и ложного учения, но не может показать путей исправления порока, ибо это произведение крайне схематично и построено на одних аллегориях, а главное, не определяет цели нравственного самоусовершенствования. При вступлении в жизнь человека встречает Разум и указывает дорогу к благополучию. Но Прелесть всем входящим в жизнь подносит питье с невежеством и прегрешением. Мнения уводят опоенных в пропасть, к беззаконьям и злости. Покаяние может освободить от всех бед и подает охоту к учению, которое очищает от несовершенств. Мнение же может отвести к ложному учению, и от него человек впадает в прежние обычаи и состояние. Если человеку и удастся достигнуть дворца добродетелей, то и здесь он не находится в безопасности от падения в пропасть пороков. Никаких практических выводов эта «загадка Сфинкса» не дает. И все же это был не случайный для Кантемира перевод. Вопрос, на чем должна быть основана мораль, будет интересовать его в сатирах. Но это нравоучительное произведение не ведет к сатирам — оно параллельно им.

К сатирам Кантемир шел от эпиграмм и от других переводов — среди них интересен «Перевод некоего итальянского письма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов». Как указывает Х. Грасхоф, автором его был итальянский писатель Джиованни Паоло Марана.[50] При осмеянии французских нравов вообще, чувствуется демократизм позиции автора: он гораздо чаще нападает на вельмож, торговцев, судей, чем на простой народ. «Вельможи разнятся от прочих сим токмо, что ничтоже творят, чтоб другим было в пользу, и множеством скотин и животных

[50] Х. Грасхоф. Западноевропейские связи Кантемира.

о двух ногах, которые всегда за ними ходят... Я не видал народ благочтительнейший, священников воздержнейших, чернцов, которые лучше подавали жития образ. Одни только благородные и вельможи приходят, дабы позабавиться, поговорить и делать любовь свою». Особенно сильно нарисована картина работы суда: «Тут бы Диоген с фонарем не сыскал двух другов и одного человека удовольствованного. Тут неправедные взятки, тут закладов неправедное удержание, имений от душеприказчиков похищение и рыдание вдовиц и сирот».

Многое из этих «нравов» было знакомо Кантемиру и по России, но многое здесь было другим. Он не мог удовлетвориться ни этими переводами, ни переводами сатир Буало, которые он начал тогда, хотя они, в отличие от «Письма», приноравливались к русской жизни, даже с политическими намеками. Конечно, пример Феофана, с его «русскими» сатирами на латинском языке, должен был оказать на Кантемира влияние. Мы знаем некоторые темы сатир Феофана: «на плохих поэтов, на презирателей наук».[51] Но самих сатир нет, а в отрывке, что привел Кантемир, речь идет о другом — о воцарении «проклятой роскоши», после того как девушка получила в приданое деньги, добытые нечестным путем. Может быть, роль Феофана-сатирика была гораздо большей, если сатиры его посвящены «испорченным нравам века». Может быть также, что сходство сатиры «На хулящих учение» с феофановской на презирателей наук не ограничивается сходством названий — от этого менялось бы многое, но отсутствие текста и даты написания сатиры Феофана не дает возможности пересмотреть традиционные взгляды на появление первой русской сатиры. Кантемир подчеркивал, что она «ни с чего не имитована, понеже из сатириков никто особливую сатиру на хулящих учение не делал».

Появление сатиры «К уму своему», вызвавшее восторг «всех честных» и гнев «многих», которым она «колола глаза всеконечно», показывало, что Кантемир нашел свое призвание, что на многие вопросы он уже умел дать ответ так же уверенно и смело, как ответил «желающим знать, кто его поставил судьею». Он признавался, что «стихи писать против неприличных действ и слов» — не только его долг, но и страсть. И он поклялся до конца жизни «не престать» писать сатиры — и выполнил свое обещание.

---

[51] Satyras contra corruptos saeculi mores, contemptores bonarum artium, contra insulsos poëtas aliosque frigidos scriptores. И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 599—600.